

INSPIRIA

ОСТРОВ ДУШ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
ИТАЛИИ

ПЬЕРДЖОРДЖО
ПУЛИКСИ

INSPIRIA

Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Пьерджорджо Пуликси

Остров душ

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Ита)-44

Пуликси П.

Остров душ / П. Пуликси — «Эксмо», 2019 — (Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-201061-3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИТАЛИИ. АВТОР ГОДА ПО ВЕРСИИ CORPI FREDDI AWARDS – 2015. Таинственная Сардиния с ее вековыми лесами и глухими горами. С ее древними башнями и святилищами, которые не стали мертвым историческим наследием. Вовсе нет – они и сегодня живут своей жизнью... Это случилось в 1975 году, а потом снова – одиннадцать лет спустя. И опять случится в наше время – скоро, очень скоро... Обе убитые в разные десятилетия девушки были обнажены, связаны и покрыты нестриженной овчиной. Лица их скрывали ритуальные бычьи маски. На спинах – разрезы в виде древнего орнамента для украшения хлеба. Причина смерти одна и та же – зияющая рана в горле. И время одно – ночь на 2 ноября, ночь Дня мертвых. Убийства так и не были раскрыты. И даже личности жертв не установлены. Инспектор Морено Баррали, буквально одержимый этими делами, посвятил им всю жизнь, изучая древнесардинские ритуалы в поисках ключа к разгадке. Безрезультатно. И теперь, когда пропала молодая Долорес Мурджа, он уверен – заклятие повторится. Но сам Баррали уже ничего не может сделать – смертельная болезнь не оставила ни сил, ни времени. Да и все вокруг считают его одержимость безумием. Нужно как можно скорее найти того, кто поверит ему и спасет Долорес...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-201061-3

© Пулиksi П., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пьерджорджо Пуликси

Остров душ

Моим

Не бойся мертвых, а бойся живых.

Сардинская пословица

Эта земля не похожа ни на какое другое место... Чарующие просторы и дали, ничего законченного, ничего окончательного. Это как сама свобода.

Д.Г. Лоуренс «Море и Сардиния»

Пролог

Из пяти полицейских, расследовавших тогда убийство Долорес Мурджа, осталась только я. Я потеряла четырех коллег, четырех друзей. Считалось, что это дело проклято. Что нам всем лучше забыть о расследовании, оставить его. Но мы продолжали и пробудили *sas animas malas*, злых духов, и тогда тьма поразила всех нас, одного за другим. Как проклятие.

Я знаю, говорят, что моим коллегам повезло больше меня. Я заплатила – и еще заплачу – сполна, потому что жива. И сейчас проклятие давит на меня. Это тяжкий крест. В лучшие из дней я пытаюсь убедить себя, что это не имеет значения: такова наша работа, и в любом случае справедливость должна была восторжествовать. Случаются дни, когда я чувствую, что сделала все неправильно, позволив другим умереть ни за что. В последнее время плохих дней стало намного больше: вставать с постели и идти на работу становится все труднее. Я должна была уйти в отставку, когда осталась одна, но не смогла. Слишком много призраков, слишком много упреков. И тот, кто говорит, что призраки со временем тускнеют, рассеиваются и исчезают, лжет. Мои ярче, чем когда-либо. Они напоминают мне, что я – единственная, кто остался. Я обязана все закончить, несмотря на то, что, кажется, все забыли о Долорес и других девушках.

Чувство вины напоминает мне о призраках. Постоянно. Их невозможно забыть. Поэтому я все еще работаю в полиции. Не из-за Долорес, а из-за призраков. Потому что я знаю, что они не уйдут, пока этой истории не будет положен конец.

Я рассматриваю фотографию команды, висящую на стене. В их улыбках я ищу силу; это своеобразный способ примирения с собой. Перед выходом смотрюсь в зеркало. Мне не нравится то, что я вижу. Я внимательно изучаю свое тело, но души в нем нет. Душу я оставила на том ужасном месте преступления. Мне нужно снова попасть туда, чтобы вернуть ее себе.

Надеюсь, что еще не слишком поздно.

Часть I

День мертвых

*Есть другое время.
Я его видел.
Пока кровь не брызнула из-под земли.
Пока из трещин не полилась магма.
Я распростерся на земле.
Я ждал, когда эта пора пройдет.*
Марчелло Фоис «Бесконечность без конца»

Глава 1

Долина Арату, горный регион Барбаджа, Сардиния, 1961 год

Собака почувствовала кровь за сотни метров. Влажность ночи усиливала благоухание маквиса¹, создавая буйство ароматов: мирт, ладанник, земляничник, раkitник, дикий тимьян... И все-таки сквозь запахи, привычные для этих гор, принесенные ветром в комнату через щель в окне, зверь учуял едкий кисло-железистый запах человеческой крови. Он насторожил уши и встал на задние лапы в нескольких сантиметрах от детской кроватки, глухо поскучивая.

Мальчик проснулся и приказал собаке спать. Животное как будто даже не услышало его: привлеченное странным зовом, оно выскочило из комнаты и покинуло дом. Собака понеслась к кусту за домом. Она мчалась по следу, который вел ее среди землистых запахов подлеска и влажных ароматов пропитанной росой травы. Нюх вел ее, как радар. Она пересекла ряды гигантских дубов, пробираясь в лабиринтах дикой ежевики. Боль ее не останавливала. Чем ближе она оказывалась к источнику запаха, тем резче и яростнее становился аромат, как будто кровь превратилась из фонового шума в резкий крик. Собака замедлила шаг, добравшись до поляны, расстилающейся у подножия каменистого склона. Поляна была усеяна несколькими деревьями, и на ней почти не было кустарника. Ее окружали земляничные деревья², вековые каменные дубы и можжевельник, старый, как горы. Деревья перестали шелестеть. Даже стрекотание насекомых стихло, почти утонув в сверхъестественной тишине, которая, словно заклинание, окутала поляну, спрятанную между холмами. Горбатая луна залила плато серебристым светом, в котором был виден профиль человека. Тот лежал скорчившись, покрытый овечьей шкурой и окруженный роем мух.

Дворняга испуганно огляделась. Окруженное каменными уступами, покрытыми мхами и лишайниками, защищенное ветвями деревьев, которые, казалось, были воздвигнуты для его защиты, перед ней стояло древнее каменное сооружение, почти поглощенное стеной переплетающихся растений: своего рода трахитовое³ влагилице в складках каменной стены. Из святилища шел голубоватый туман, и собака слышала журчание воды: это был источник, которого она сторонилась даже в самые жаркие дни, когда ее мучила жажда. Место, окутанное

¹ Маквис – характерная для Средиземноморья растительная экосистема, представляющая собой субтропическую кустарниковую степь.

² Земляничное дерево, или Земляничник, или Арбутус (*лат. Arbutus*) – род кустарников или деревьев семейства Вересковые с характерными шарообразными бугорчатыми плодами (в осн. красно-оранжевых оттенков).

³ Трахит – горная порода, сложенная главным образом полевым шпатом.

мрачной, могильной тишиной, словно уподобившееся сладострастной растительности, издавало зловещую вибрацию. Собака чувствовала, что надо бежать, но не могла пошевелиться. И тогда она решила нарушить эту невидимую границу – сделала несколько шагов, приближаясь к человеку. Это была женщина, голая под овечьей шкурой. Кровь капала из зияющей раны на ее горле, пропитывая влажную землю. Руки были связаны за спиной. Она лежала в центре мегалита⁴, внутри каменной спирали, перед храмом, охранявшим священный колодец. Теперь журчание воды усилилось. Вокруг еще теплого трупа медленно парила смерть; собака почти чувствовала эхо, застрявшее среди гигантских камней. Самая высокая стела с выпуклым полумесяцем наверху сияла прозрачным светом. Камень, казалось, смотрел ледяным взглядом на тело, лишенное жизни.

Лапы собаки тряслись, как ветки. Она почувствовала кислый привкус опасности во рту. Она знала, что не принадлежит этому месту, что своим присутствием нарушает его первобытное равновесие. Ее бок обжигало огнем от ран, полученных в зарослях ежевики. Но физическая боль была ничем в сравнении с ледящим страхом. Все звуки заглушались бешеным биением сердца.

– Ангеледду! – услышала она в нескольких метрах от себя голос мальчика, который звал ее.

Собака резко обернулась. Она увидела, как ее маленький хозяин остановился в нескольких шагах от лежащей женщины. Запах шкур, в которые она была завернута, был настолько сильным, что перебивал запах земли и крови. Он был сильнее кисловатого аромата от тела, пропитанного адреналином. Сильнее страха ребенка.

Ангеледду начал издавать глухой лай, словно отговаривая малыша приближаться к жертве и святыни.

Ночь была такой холодной, что трескались губы и кожа на пальцах. Ребенок дрожал, но не от холода: вид лежащего на земле тела заглушал любые физические ощущения. Помимо крови, которая собиралась в каменных каналах, идущих от священного источника, была еще одна волнующая деталь: лицо трупа было закрыто деревянной бычьей маской с длинными заостренными рогами. Она напомнила ему о масках на деревенских карнавалах, куда он ходил с отцом. Эти маски потом еще долго тревожили его во сне. Он мог бы поспорить на все свои детские сокровища, что лицо женщины было скрыто за *sa carazza 'e boe*⁵ с карнавала.

Мальчик вздохнул, разрываясь между удивлением и страхом, глядя на массу темных волос, которые выделялись на фоне прозрачной кожи и овечьей шкуры.

Собака встала перед ним, словно защищая его от этого видения, и попыталась оттолкнуть. Они услышали шум, заставивший их вздрогнуть. Тот шел из храма, который был почти не виден из-за плотной завесы тумана.

Мерцающие огни звезд на затянутом ноябрьском небе едва освещали лощину, из-за чего было трудно рассмотреть очертания святыни. Хотя мальчик вместе с отцом, угольщиком, переехал сюда недавно, он уже исследовал эти горы вдоль и поперек. Но никогда раньше не встречал это первобытное место, как будто растительность, поглотив храм, хотела скрыть его существование.

Мальчик хотел подойти к колодцу, но собака помешала ему, бросившись наперерез. Они услышали тяжелый звук шагов, как будто кто-то поднимался по лестнице, выходя на поверхность земли. Каждый шаг сопровождался пронзительным металлическим звоном.

Собака и мальчик не шелохнулись, будто на них наложили заклятье. Они с ужасом наблюдали за тем, как распалась завеса тумана, разорванная гигантской фигурой, вышедшей из недр земли на поверхность. словно первобытное божество леса, явившееся после очень долгой

⁴ Мегалит – культовое сооружение из каменных глыб.

⁵ Маска быка (*сард.*).

спячки. Бог-зверь. Существо, похожее на человека, но исполинских размеров, лицо которого тоже было закрыто страшной маской с длинными и заостренными козьими рогами, освещаемой пламенем факела, который оно держало в руке. На нем было тяжелое одеяние из темных нестриженных козьих шкур, подпоясанное толстым ремнем. На огромных плечах оно несло связку железных коровьих колокольчиков, а в левой руке, похожей на человеческую, сжимало нож с изогнутым лезвием, еще мокрым от воды и крови. Голову существа покрывал черный женский платок, напоминающий *su muccadore*⁶, какую носила бабушка мальчика. На ногах, толстых и длинных, как стволы каменного дуба, были надеты кожаные гетры и высокие черные сапоги, похожие на обувь, которую надевал его отец, когда ездил в деревню.

Великан заметил их, но, похоже, не придал этому значение. Ангеледду и мальчик окаменели. Они смотрели, как чудовище приближается к женщине, сдвигая властным жестом *sas peddes*⁷, обнажая залитую кровью спину. Существо осветило факелом окаменевшего человека и вытащило из-за пояса бараний рог, водой из которого полило труп, обнажив свежие разрезы. Точно такие же метки мама мальчика оставляла на хлебе перед тем, как поставить его в печь. Затем оно подняло закрытое маской лицо к звездному своду, словно ожидая сигнала. Казалось, небо и правда ответило, потому что через несколько секунд снова подул ветер, тяжело дыша, как огромный бешеный зверь.

Мальчик почувствовал, как его душа уходит в пятки от этого ледяного дыхания, и ему показалось, что в лесу что-то пробудилось после долгого сна.

Из-под тяжелой деревянной маски был слышен глухой голос гиганта. Он молился звездам: «*A una bida nche l'ant isperdida in sa nurra de su notte. Custa morte est cre schende li lugore a sa luna. Abba non naschet si sàmbene non paschet*».

Мальчик понял значение лишь нескольких слов: вода, смерть, луна, кровь. Но голоса демона хватило, чтобы вселить в него тайный страх, как будто такого рода молитва открыла *limbo de sas animas*⁸; потому что язык предков обращался не к разуму, а к плоти. К плоти человека и земли.

Ангеледду вырвался из оцепенения и зарычал. Бог-зверь повернулся к собаке, наклонился и протянул огромную руку. На ней мальчик увидел блестящий шрам в виде полумесяца и, прежде чем зажмурился от страха, успел разглядеть, как стальной клинок блеснул в лунном свете. Но великан не хотел никого убивать: он погладил собаку по голове, а та, околдованная темными впадинами бычьей маски, стояла неподвижно.

Мальчик приоткрыл заплаканные глаза и удивился, увидев, что собака невредима. А великан возложил на голову женщины что-то вроде венка из листьев и медленно направился к лесу, пока тьма не поглотила его. Мальчик услышал треск пламени еще до того, как увидел свет. Огонь вгрызлся в кусты, а затем начал раздирать деревья. Не прошло и минуты, как пламя достигло святилища.

Ангеледду вцепился зубами в штанишки мальчика, как будто хотел оттащить его в сторону и стряхнуть с него оцепенение. Мальчик не обращал на лай внимания и продолжал смотреть на труп женщины, которую вот-вот поглотит пламя. Только когда собака укусила его в ногу, он вырвался из болотной пучины беспамятства и пришел в чувство. Огонь поглотил большую часть холма. Повсюду полыхало пламя. Все заволочло густым черным дымом, глаза слезились, а порывы жара становились все сильнее и сильнее. Еще несколько секунд – и никуда не скроешься, даже дышать будет нечем.

⁶ Косынку (*сард.*).

⁷ Ноги (*сард.*).

⁸ Лимб душ (*сард.*); лимб в католицизме – место обитания душ, которые не попали ни в рай, ни в ад, ни в чистилище.

Мальчик прыгнул в просвет, которого еще не коснулся огонь. Он бежал, не оборачиваясь к трупу, который поглощало пламя, превратившееся в огромный костер. От женщины осталась лишь горстка пепла.

Мальчик боялся, что чудовище вернется за ним, и никогда не говорил ни одной живой душе о том, что видел. Вернувшись домой, он, все еще пахнувший дымом, скользнул в постель, а Ангеледду дрожа прилег у его ног. Мальчик убедил себя в том, что все это ему приснилось, но женщина в маске быка преследовала его днем и ночью.

И будет преследовать. До самого конца.

Как и те магические слова, которые ему не суждено забыть: «*Abba non naschet si sàmbene non paschet*».

«Вода не рождается, если кровь не питает...»

Глава 2

Нурагический⁹ комплекс Сиримагус, Траталиас, Южная Сардиния, 2016 год

На Сардинии молчание – это почти религия. Остров состоит из бескрайних просторов и первобытной тишины, в которых есть что-то священное. Молчание пронизывает все: возвышающиеся до самого горизонта холмы, покрытые маквисом, бесконечные пшеничные поля, равнины, усеянные ладанником, мастиковым деревом, миртом и земляничником, наполняющими воздух пьянящими ароматами; горы, которые робко поднимаются к небу, как будто боятся его осквернить. Плато и пастбища, пересекаемые стадами и продуваемые мистралем¹⁰. Надо всем этим всепоглощающая тишина. Человек не пытается господствовать над природой, потому что боится ее. Этот страх – сын древних времен – у него в крови. Человек знает, что природа управляет судьбами людей и животных, и вскоре учится узнавать и понимать все природные явления, происходящие вокруг него, потому что, как это ни странно, тишина умеет говорить. Она учит и предупреждает. Советует и предостерегает. И проклинает того, кто не оказывает ей должного почтения.

С вершины холма Сиримагус Морено Баррали рассматривал равнину, пронизанную бесконечной тишиной, пытаясь вывести из тишины гипотезу. Ему сказали, что девушка пропала в этом районе. Равнина была усеяна нурагами, гробницами гигантов¹¹, прочими мегалитами и остатками сардинских поселений. Место культа и тайны, как было и при других преступлениях. Только сейчас убийства не было. После известия об исчезновении полицейский вместе с местными пастухами и фермерами обыскал местность метр за метром, но не нашел никаких следов.

«Это само по себе ничего не значит. Девушка пропала два дня назад, – подумал он. – Тот, кто ее забрал, мог уничтожить следы».

Но он и сам не верил этому предположению: обычно тело оставляли на обозрение. И потом, еще долго было до *sa die de sos mortos*, дня мертвых, дня душ. Долорес была жива, он чувствовал это. Ее лишь спрятали где-то в ожидании этой проклятой ночи.

Мужчина огляделся. Стоял прекрасный день, хотя до конца октября оставалось меньше недели. Облака медленно растворялись в чистом голубом небе. Воздух был сладок и чист. Солнце заливало все сливочно-желтым светом. Его глаза искали водоем.

«„Сиримагус“ означает озеро волшебников или демонов», – подумал он. В деревне поговаривали, что в этих местах происходили сверхъестественные явления. Может, *она* поэтому выбрало это место?

Размышления прервал внезапный приступ кашля, согнувший его пополам: Морено чувствовал себя так, словно у него в кишках елозила наждачная бумага. Это напомнило ему, что у него назначена встреча, которую он не может пропустить. Было уже поздно. Он в последний раз осмотрел низину, выискивая любую деталь, которая могла бы подсказать ему, что случилось с девушкой, но напрасно.

⁹ Нураги – наименование древних (II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э.) каменных башен, в изобилии встречающихся на Сардинии в той или иной степени сохранности; похожие постройки имеются и на других средиземноморских островах, но относятся к иным археологическим культурам.

¹⁰ Мистраль – сильный северо-западный ветер.

¹¹ Гробницы гигантов – еще один вид сардинских археологических памятников: мегалитические погребальные сооружения в виде галерей, возможно, заимствованные нурагической культурой у предшествующих культур.

Воодушевленный предчувствием, Морено отправился в путь. «Возможно, ты ошибаешься. Может быть, она исчезла по своей воле и не имеет никакого отношения к другим пропавшим», – подумал он.

На самом деле он прекрасно знал, что это не так. Вернее, чувствовал.

Морено добрался до группы, сопровождавшей его на вершину, и они вместе вернулись в долину.

Глава 3

Больница имени Бузинко, Кальяри¹²

У всех полицейских есть как минимум одно нераскрытое дело, мысль о котором не дает уснуть, преследует даже спустя много лет, будит посреди ночи уколами совести, вихрем воспоминаний и образов, которые невозможно забыть. И если вы слишком молоды, чтобы иметь такое дело, то получаете его в наследство от более опытного следователя. Это как передать эстафетную палочку – своего рода соглашение, заставляющее демонов прошлого умолкнуть, а призраков успокоиться: можно спокойно умереть, не испытывая сожалений о том, что вы могли бы сделать, но не сделали.

Старший инспектор полиции Морено Баррали размышлял об этом, когда онколог больницы имени Бузинко в Кальяри сказал, пытаясь обойти острые углы, что химиотерапия не принесла ожидаемых результатов.

– Сколько? – перебил его Баррали.

– Сколько чего? – растерянно спросил врач.

Полицейский встал. Казалось, что даже такое простое действие заставляло его мышцы рваться. Если б не трость, он, возможно, не смог бы подняться. И во всем виновата не только прогулка к Сиримагусу: он чувствовал, что у него осталось мало времени. Нужно было понять сколько.

– В общей сложности, сколько у меня еще есть времени?

– На данный момент нам нужно взять некоторые анализы, чтобы понять...

– Доктор, я умираю, давайте говорить прямо. Мне просто нужно знать, когда это случится, чтобы... подготовиться.

– С таким диагнозом вам остается жить от четырех до семи месяцев, максимум восемь. Зависит от общего состояния. Если мы продолжим терапию...

– Нет, хватит. Иногда надо признавать поражение. Я слишком устал бороться, – сказал полицейский.

– Понимаю. Тогда времени еще меньше.

Баррали вздрогнул.

– Мне жаль, – произнес врач.

– А она, – Морено постучал по голове и спросил: а она сколько еще будет работать?

Это волновало его больше всего. Болезнь уже начала угрожать ясности его ума, воружая воспоминания. С каждым днем становилось все труднее думать. Иногда он останавливался посреди разговора и не знал, как закончить фразу, вызывая у собеседников жалость и замешательство.

Взгляда, который бросил на него врач, хватило, чтобы получить ответ. В этот момент он понял, что больше не может ждать. Он думал до последнего, что сможет справиться сам, но настало время просить о помощи. Немедленно.

– Спасибо за все, доктор.

Морено с трудом вышел из больницы и доехал на такси до старого бара, в который обычно ходил после ночной смены, когда был молодым патрульным. Внутри все было как и тридцать пять лет назад: приглушенный свет, пол в шашечку, барная стойка красного дерева, обитая кожей, латунные пивные краны, поблескивающие в тусклом свете, неоновые вывески, пепельницы с логотипом «Чинзано», пыльный музыкальный автомат, пожелтевшие плакаты «Кам-

¹² Кальяри – столица Сардинии.

пари» и черно-белые афиши боксерских поединков. Только теперь бариста смотрел не в газету, а в планшет, читая новости.

«Да, все осталось, как раньше. Только тебя уже не узнать», – подумал Баррали, разглядывая себя в зеркало. Этот исхудавший, измученный болезнью человек с ввалившимися щеками и испуганным и недоверчивым взглядом не мог быть им. Но зеркало не лгало.

Хоть было и рано, он заказал граппу и сел, задыхаясь от усталости. Отхлебнул. Он это заслужил, хотя врач и не одобрил бы.

«Да пошли эти доктора... Я с ними покончил», – подумал Морено, глядя на свою правую руку, которая теперь с трудом держала рюмку. Он видел, как она дрожала, словно не принадлежала ему. Как будто ей было невозможно быть узником этого больного тела, которое с каждым днем угасало все больше и больше.

«Может быть, тебя заразило все то зло, которое ты видел?» – подумал он. И решил сам себе не отвечать. Были более важные дела.

Морено достал из кармана визитку и подумал, что больше не может откладывать этот звонок. Слишком долго медлил, обманывая себя тем, что если не сможет победить опухоль, то хотя бы протянет еще год-другой. Но в этот момент понял, что не сможет вершить правосудие в одиночку.

Приняв эту мысль, Баррали почувствовал облегчение. Он сделал последний глоток, надел очки и набрал номер единственного человека, который, как он считал, мог бы ему помочь.

– Доброе утро, Мара. Это Морено Баррали... Прости, если побеспокоил. Я попросил твой номер у синьора Фарчи... Да, я все еще на больничном. Мне нужно поговорить с тобой... Нет, я предпочел бы не в полиции... Да, это Фарчи посоветовал мне позвонить тебе. Я знаю, что они говорят обо мне, но, пожалуйста, просто поверь... Я сейчас в баре... Если б это было возможно... Да, это очень срочно... Спасибо. – Полицейский сообщил ей точный адрес. – Отлично. Тогда я тебя жду. До скорого.

Морено заказал еще рюмку граппы и взял изображение Долорес, последней убитой девушки. Потом достал две более старые и потемневшие от времени фотографии. Он рассматривал и изучал эти фото столько раз, что мог бы описать их в точности даже с закрытыми глазами.

Его, как всегда, захлестнуло волной воспоминаний, вины и гнева. Баррали начал собирать снимки, чтобы убедить свою коллегу взяться за его единственное нераскрытое дело – и предотвратить убийство, которое, как он был уверен, произойдет через несколько дней.

Глава 4

Отдел убийств и преступлений против личности, полицейское управление Кальяри

Старший инспектор Мара Раис закончила разговор и затрясла головой, позеленев от злости.

– Дерьмо! – ругнулась она себе под нос.

Коллеги подняли глаза от своих папок и бумаг и посмотрели на нее, улыбаясь. Вглядываясь в их лица, Мара поняла, что кто-то им уже сказал. Очередной удар в спину.

– Что случилось, Мара? – спросил один из них с издевкой. – Проблемы?

– Фарчи сплавил мне этого чокнутого Баррали и его серийные убийства.

Сотрудники мобильного подразделения уголовной полиции, вынужденные делить одну комнату на всех, разразились смехом. Над Морено Баррали смеялся весь отдел убийств; с годами у него развилась настоящая одержимость ритуальными убийствами – как он их называл, – и он мучил коллег и начальство, требуя возобновить дела.

– Ну, Мара, тебя недавно перевели в отдел всяков, и логично, что тебя ставят в пару с Баррали, правда ведь?

– Ага, конечно... Я прямо ждала этого с нетерпением. И еще – он называется отдел нераскрытых преступлений, Пирас, – сказала Мара, вставая и бросая коробки, в которые складывала свои личные вещи. Ее переводили в отдел, который, по сложившемуся мнению, был наказанием для любого следователя мобильного подразделения.

– Ты куда пошла?

– *Fariscazzustusu!*¹³ – выругалась Мара сквозь стиснутые зубы, грубо отмахиваясь от коллег, и с воинственным видом направилась к кабинету начальника Джакомо Фарчи.

– Мара, это плохая идея... – предупредила ее Илария Деидда, коллега, с которой она лучше всего ладила.

Мара Раис была хорошим полицейским, но характер имела скверный. Она была из тех людей, которые никогда не держат рот на замке, и из-за этого недостатка ее не любило начальство, которое мало внимания обращало на ее успехи в работе, а вместо этого взялось на нее за то, что у нее «длинный язык». При удобном случае ее старались оставлять в офисе, чтобы минимизировать ущерб, причиненный ее «цветистой сардской»¹⁴ руганью, как точно определил ее начальник.

– Успокойся, я не собираюсь в него стрелять. Ну, по крайней мере, не здесь, – пошутила Раис.

Она постучала и не стала ждать, пока начальник пригласит ее войти.

– Присаживайся, Раис, – иронически сказал комиссар Джакомо Фарчи, увидев, что это его сквернословящая коллега и бывшая напарница, с которой он работал несколько лет назад.

Она закрыла дверь, вытаращила глаза и раскрыла руки, показывая недоверие.

– Слушай, я все понимаю. Они хотят отомстить мне? Отлично; это мерзко, но я готова это понять. Они хотят разрушить мою карьеру? Они почти этого добились. Но Баррали? Неужели я действительно так низко пала?

– Он умирает, Мара. Это меньшее, что мы можем сделать. Выслушать его, заставить его поверить, что принимаем во внимание его мысли; это все, о чем я прошу. Он один из нас, несмотря ни на что.

¹³ Не суй свой нос! (*сард.*)

¹⁴ Сардский – то же самое, что сардинский; самоназвание сардинцев – сарды.

– И что же я должна делать? Работать с ним в паре? – В словах Мары звучала ирония.

– Нет. Морено все еще на больничном. Болезнь в терминальной стадии, и мы не думаем, что он снова вернется в строй.

– Мне очень жаль... И что? Я должна слушать его бредни о серийном убийце в нургах только потому, что он вот-вот умрет?

– Сядь.

– Я не хочу садиться. Это твоя идея?

Фарчи не ответил и закрыл бумаги прокуратуры.

– Я знала. Очередная подлянка Дель Греко, да?

Начальник кивнул. Затем знаком показал, чтобы она говорила потише.

– Успокойся и сядь, черт возьми.

Раис лишь воинственно скрестила руки на груди.

– Мара, пожалуйста, – сказал Фарчи, беря папку и протягивая ей.

Женщина осторожно открыла ее. Это было личное дело полицейской: старшего инспектора Евы Кроче.

– Что...

– Прочти, – сказал Фарчи.

Инспектор Ева Кроче была следователем, специализирующимся на сектах и ритуальных преступлениях. Ее нанял второй отдел Центральной оперативной службы – элиты полиции, – расследовавший самые кровавые преступления по всей стране. Из материалов дела следовало, что после нескольких лет, проведенных в Риме, где она прошла обучение в штаб-квартире службы при Центральном управлении по борьбе с преступностью, ее перевели в качестве следователя поддержки в мобильное подразделение в Милан, ее родной город. На данный момент она работала в Центре расследования нераскрытых преступлений, национальной структуре, которая оказывала поддержку территориальным мобильным отрядам.

– Я очень рада за нее, но...

– Прочти сопроводительную записку.

Вторая страница была служебным приказом, в котором следователя и весь мобильный отряд с улицы Абат переводили для содействия в работе нового экспериментального отдела расследования нераскрытых преступлений Управления по расследованию убийств в Кальяри.

– Не говори мне, что...

– Да, она ваша новая коллега.

– Конечно, как же я об этом не подумала... Мало вам было выгнать меня из отдела убийств. Теперь ты еще присылаешь мне няньку прямо с континента. Большое спасибо, Джакомо, – сказала Раис, резко закрывая папку.

– Попробуй еще раз открыть рот, и я пошлю тебя служить на «Сант-Элиа»¹⁵, *cumprendiu?*¹⁶

Его резкий тон застал Мару врасплох: Фарчи, несмотря на суровый внешний вид, был добродушным мужиком, одним из немногих ее союзников в управлении, и почти никогда не прибегал к сардинской речи во время работы. И то, что он это сделал, значило, что она и ее «длинный язык» зашли слишком далеко.

– Я понятия не имею, кто такая эта Кроче, но, если с таким резюме ее послали сюда, значит, речь идеи о наказании, – продолжил шеф. – Она была на больничном больше года, а теперь уже четыре месяца в оплачиваемом профилактическом отпуске, что бы это ни значило.

¹⁵ «Сант-Элиа» – футбольный стадион Кальяри, ныне закрытый (его функции перешли ко вновь построенному «Юнипол домус»).

¹⁶ Понятно? (*сард.*)

Должно быть, она облажалась или перешла дорогу кому-то важному. Но мне плевать. Мне важно, чтобы вы двое немедленно приступили к работе.

– Работа? Сиделкой у этого психа Баррали?

– Нет. Я тебе уже говорил и повторяю в последний раз. Вы должны сделать три вещи как отдел нераскрытых преступлений: во-первых, взять дела, указанные Римом, проверить, есть ли вещественные доказательства, которые нужно проанализировать, и зацепки, упущенные раньше. Второе: понять, можно ли еще говорить об активном расследовании. Мы даем два, максимум три месяца на каждое дело. Третье: предложить план расследования наиболее интересных дел. И, если мы получим разрешение, приступаем. Все понятно?

– Сумасшествие, – пробормотала женщина.

– Не расслышал.

– Я сказала, что опытные коллеги не одобряют, если я пойду расследовать их...

– Мы здесь не для того, чтобы исправлять ошибки наших коллег. Напротив. Вы свяжитесь с ними, если они еще живы, потому что нам нужны их предложения. У вас будет небольшая команда судебно-медицинских экспертов, которая поможет вам с вашими выводами, если позволят судьи¹⁷.

– Это пустая трата времени.

– Нам нужны цифры: как мобильное подразделение, мы должны поднять средний показатель раскрытых дел. Если потерпим неудачу, можем попрощаться с правительственной субсидией и пополнением кадров. Нам нужно улучшить показатель раскрытых дел. Для статистики все равно, новые они или тридцатилетней давности.

– А Баррали?

– Признаем мы его мысли или нет, но он ветеран. Надрывает свою задницу уже больше сорока лет. Никто никогда не принимал во внимание эти его...

– Неужели? И ты никогда не задавался вопросом почему? – сказала Раис, изображая притворное удивление.

Фарчи пропустил вопрос мимо ушей.

– Я, вице-квестор и сам квестор¹⁸ Дель Греко хотим дать ему шанс. Как я уже говорил, мы в долгу перед ним. Вы с Кроче будете использовать Баррали в качестве консультанта и работать над его убийствами параллельно с другими нераскрытыми делами.

– Эти дела уже просто легенды.

– До тех пор, пока кто-нибудь не закроет их. Я все-таки хочу, чтобы вы взглянули. Есть как минимум две установленные жертвы. Убийства так и не были раскрыты, а это значит, что убийца или убийцы могут быть на свободе.

– Убийцы наверняка уже мертвы.

– Может быть, но Баррали не хочет умирать с чувством вины, и, честно говоря, я тоже. Это номер твоей напарницы, – сказал Фарчи, протягивая ей листок бумаги. – Я знаю, что сейчас ты предпочитаешь работать в одиночку, но здесь не я устанавливаю правила и назначаю напарников.

– Не могу в это поверить, – прошептала женщина, нервно потирая лоб, чтобы вернуть себе самообладание.

– Ты с ней будешь проводить много времени вместе, поэтому советую пойти по правильному пути и подружиться. Попытайся понять, что это за человек, и посмотри, нужно ли ей

¹⁷ Для понимания некоторых реалий романа следует учитывать, что в Италии действия полиции контролируют, с одной стороны, прокуроры, с другой – особые судьи; и тех, и других традиционно считают судьями, как и ключевых членов их аппаратов, памятуя о должности следственных судей (магистратов), которым они пришли на смену (должность отменена в этой стране в 1989 г.).

¹⁸ Квестор – в современной итальянской полиции в официальном смысле – глава полицейского управления провинции, коих в области Сардиния пять (все провинции упоминаются в романе).

что-нибудь. Короче говоря, покажи ей, что знаменитое сардинское гостеприимство – это не просто миф.

– Джакомо... – вздохнула Мара, вставая и бросая папку на стол.

– Синьор. Для тебя теперь я синьор Фарчи, Мара.

– Ну конечно. Может, мне к тебе еще и на «вы» обращаться?

– Хватит сарказма, Раис. Помни, ты сейчас под особым наблюдением, и это, – сказал мужчина, постукивая по личному делу, – одолжение, которое тебе сделали. Если б я за тебя не поручился, квестор перевел бы тебя в Барбаджу.

– Ты так говоришь, потому что он не прикасался к тебе, этот дохлый слизняк.

– Было проведено внутреннее расследование...

– И всё выкрутили так, что виноватой сделали меня, Фарчи... извини, синьор Фарчи. Этот ублюдок разрушил мою карьеру, ты понимаешь или нет? И все благодаря продажным шлюхам – нашим коллегам, которые встали на его сторону.

– Раис, забудь об этом и скажи спасибо, что у тебя еще есть работа. Ты боролась, но он победил. Советую считать эту историю закрытой ради всеобщего блага. Ради твоего, прежде всего.

Женщина бросила на него презрительный взгляд и собралась уходить.

– И помни кое-что, – сказал Фарчи. – Моя мама всегда говорила мне: «Молчание – золото».

– Ты серьезно?

– Прямо про тебя, да?

«*Ma ba'fari coddai*¹⁹», – мысленно обругала его Мара, выходя из кабинета.

¹⁹ Иди на хер (сард.).

Глава 5

Вилла Инверницци, улица Каппуччини, Милан

– Ты приняла это дело слишком близко к сердцу... Ты им одержима... Ты забыла свою роль, ты ошиблась... Своим поступком ты отправила расследование к чертям собачьим... Ты осознаешь всю серьезность этого? Может быть, тебе нужно немного подумать о своих ошибках...

Эти слова продолжали эхом отдаваться в ее голове, но Ева не могла их заглушить. Она надеялась, что четыре месяца вынужденного отпуска успокоят ситуацию и начальство. Но это было лишь тратой времени, а ее горечь лишь усугубилась. Ее начальники поджидали удобного момента, чтобы убрать ее с дороги. По сути, эти слова были прелюдией к вынесению обвинительного приговора без апелляции:

– Мы решили тебя перевести. Давление оказывал судья, и не только он. На этот раз ты зашла слишком далеко, Ева. Мы все понимаем твое положение, через что ты прошла... Но ничего не можем поделать. Мы должны подать сигнал.

– Куда? – спросила она.

– Кальяри, Сардиния. Тебя переводят туда в отдел нераскрытых преступлений.

Старший инспектор Ева Кроче улыбнулась. Речь шла не только о переводе – это просто был хитрый способ заставить ее сдаться.

– Это экспериментальный региональный отдел. Тебе нужно будет помочь им создать команду. Воспринимай это как отпуск, период отрешенности, чтобы перезарядить батарейки, – подсластили они пилюлю.

Вопреки всем их ожиданиям, Ева согласилась без малейшего протеста. Она согласилась бы на любые условия, лишь бы вернуться к работе. Это все, что ей оставалось. Единственный способ заполнить пустоты собственного существования. Еще несколько дней воспоминаний и сожалений, и она сошла бы с ума. Поэтому письменный стол в Кальяри лучше, чем полный болезненных воспоминаний диван в пустой миланской квартире. Лучше, чтобы ее и эту тюрьму воспоминаний разделяло море.

– Когда я приступаю к работе?

Они ускорили бюрократические процедуры, потому что хотели поскорее от нее избавиться. Через четыре дня ей позвонили из кадровой службы: нужно было посмотреть какие-то документы, пришедшие из министерства, и подписать их. Ева сделала это, не задав ни единого вопроса. Им казалось, что ее перевод из Милана – наказание, а для нее это было спасением и, кто знает, возможно, началом новой жизни. Одному богу известно, как сильно ей было это нужно.

В тот день солнце, скрывшееся за тучами, бормотало, что скоро пойдет дождь. Холодное небо Милана было окутано свинцовой пеленой облаков, отбрасывавшей на улицы горькую тень. Воздух источал мерзкий запах серы, опьянявший людей печалью. Ядовитый октябрь бушевал над мегаполисом уже несколько недель, словно желая расплатиться за слишком солнечное лето. Единственным ярким пятном были розовые фламинго, за которыми полицейская наблюдала через решетку виллы Инверницци. Она ничего не знала о том месте, куда поедет, ведь никогда не бывала на Сардинии. Поэтому посмотрела в интернете. Розовые фламинго оказались одним из символов Кальяри. Это напомнило ей, что и в Милане живет их небольшая колония, о чем многие местные жители не знают. Ева решила выйти и понаблюдать за ними, словно хотела установить контакт со своим новым городом.

Она смотрела на них, и к ней возвращалось чувство легкости; оно успокаивало ее тревоги, опьяняло красотой и изяществом. Вилла располагалась в районе, названном «четырёхугольником тишины»: несколько улиц за Корсо Венеция, на которых городской шум был

заглушен великолепием зданий в стиле неоклассицизма и Либерти²⁰, статуями и упрятанными садами, и виллами, столь элегантными, что в них словно застыло время, которое в этих местах, казалось, не пошло дальше тридцатых годов прошлого столетия.

Ева отправилась сюда не только, чтобы окунуться в искусство или найти покой в заповедном оазисе, и – как бы она ни пыталась себя обмануть – не для того, что установить контакт с городом. Настоящая причина лежала глубже.

Ева положила руки на решетку ворот и вцепилась в прутья. Закрывает глаза. Сначала она чувствовала только холод металла. Затем, словно этот забор был пропитан воспоминаниями, нахлынули образы и обрывки разговоров.

«Они прекрасны, – услышала она эхо в театре своей памяти. – Можем ли мы взять одну домой?»

Ева Кроче инстинктивно улыбнулась. Затем вытерла тыльной стороной ладони слезинку, коснувшуюся ее щеки, и пошла домой.

У нее больше нет оправданий.

Пора паковать чемоданы и уезжать.

²⁰ Стиль Либерти – итальянский вариант стиля, который в России принято называть модерном, а в англо- и франкоязычной традиции – ар-нуво; итальянское название происходит от фамилии британского торговца А. Либерти, популяризатора этого направления.

Глава 6

Верхняя Барбаджа, внутренняя часть острова

Их называли горными Ладу, чтобы отличить от деревенских. О них ходило множество легенд. Говорили, что с древних времен Ладу занимались кровосмешением, породив род жестоких, диких людей, непредсказуемых, как звери, которые сохранили старый, почти первобытный образ жизни, чуждый современной цивилизации. *Zente mala*, плохие люди, от которых следует держаться подальше; те люди, к которым относились с уважением, а оно на самом деле было порождением страха. Территория горных Ладу начиналась в нескольких километрах от известной деревни, сердца Верхней Барбаджи, на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Деревня прилегала к горе Санту-Базили и располагалась рядом с густыми вековыми лесами, богатыми родниками и реками. Нетронутое царство чувственной первозданной природы. Ладу редко видели в деревне, потому что они не любили общаться с другими людьми, по отношению к которым питали недоверие, часто переходящее в открытую враждебность.

Считалось, что Ладу лучше ладят с животными, чем с людьми. Долгое уединение привело к тому, что их язык остался таким, каким был много веков назад. Любой, кто слышал, как они разговаривают между собой, мало что понял бы в их сардинской речи, в которой была первобытная искренность, дочь незапамятных времен. Язык почти непонятный даже тем, кто жил всего в нескольких километрах. Все это усиливало мифы, окружавшие семью на протяжении многих лет: ходили слухи, например, что они любили есть человеческое мясо, что их женщины участвовали в языческих обрядах, совершаемых на более чем трехстах гектарах полей и лесов, которыми они владели; что их детей не регистрировали, и у них не было никаких документов; что некоторые пастухи пытались вторгнуться в их земли, и больше никто их не видел. Злые языки говорили, что этих пастухов хоронили в полях, напитанных кровью, или бросали в известняковые пещеры в горах, или – детская страшилка, чтобы отвлечь их гулять в лесу, – нанизывали на вертел, как поросят, и пожирали в полнолуние на мрачных пирах. Легенды питаются сами собой, и за многие годы накопилось множество слухов – например, о том, что они считались единственными наследниками *civitates Barbariae*²¹, тех общин коренных сардинцев, сопротивлявшихся обращению в христианство, которое пытались принести в эти земли римляне и византийцы. Сардинцы укрывались в этих суровых краях и смеялись над теми, кто сотни лет пытался обратить их в свою веру. Поговаривали, что, возможно, отсюда и произросла их уединенность.

С течением времени рассказы о пропавших пастухах, о бандитах и доблестных мужах, *bandidos e balentes*, пытавшихся захватить эти земли, откуда возвращались только их лошади или мулы, или о священниках, отправившихся на холмы Ладу обратить жителей в христианскую веру, священниках, которых кастрировали и сделали рабами или использовали в качестве корма для свиней, – такие рассказы стали прочно укоренившимися преданиями. Это было видно по поведению деревенских старух в тех редких случаях, когда они сталкивались с кем-нибудь из Ладу, или по тишине, внезапно наступавшей в *tzilleri*, таверне, когда Ладу входил, чтобы утолить свою жажду, и ни один трактирщик никогда не позволял ему платить.

Себастьяну Ладу знал о слухах, окружавших его семью, и втайне они ему нравились. О нем говорили, что у него тело быка и ум острый, как клыки кабана. Он был единственным из семьи, кто получил образование, в то время как двоюродные и родные братья не смогли закончить школу. Их, еще безбородых, брали на пастбища клана. Бастьяну служил в охране природы с юного возраста и знал горный массив Дженнардженту как свои пять пальцев. Несмотря

²¹ Барбария (страна варваров) – римское название области, от которого и произошло нынешнее название Барбаджа.

на то что он был горным Ладу, он не отказывал в просьбах многим пастухам, охотникам, браконьерам и фермерам; в отличие от его родственников, Бастьяну считался человеком, с которым можно было поговорить. На протяжении многих лет он пытался идти навстречу тем, кто просил его заступничества, зарабатывая в сельскохозяйственной общине Барбаджа уважение, которое, следовательно, зарабатывал и его клан. Благодаря ему в последние годы поблекла репутация Ладу как *animas dannadas*, проклятых душ.

В тот вечер Бастьяну был в мрачном настроении. Его внедорожник ехал по грунтовой дороге, ведущей в деревню, и, как обычно, несколько собак радостно бежали за машиной сквозь облака пыли. Он миновал ржавую громадину брошенного трактора и припарковался возле деревушки, в которой было около тридцати разбросанных домов. Вышел из машины, и ему в нос ударил смолистый запах кустов. Небольшие двухэтажные каменные домишки давали представление об уединенности деревни, прильнувшей к холму и лесу. Низкие покатые крыши под черепицей, на которой рос мох и лишайник, затуманивались дымом из труб. Дома были так же безмолвны, как *tzie*²², молча наблюдавшие за ним из окон, закутавшись в свои черные шали, бесстрастные, как голые камни стен. Сухая трава разлеталась по узким мощеным улочкам, соединявшимся паутиной переулков, похожих друг на друга. Некоторые из его тетюшек, самых старых, сидевших на каменных скамьях, еле заметно вздернули подбородки в приветствии.

Первобытный покой был нарушен звуком топора, ударяющего по чурбакам. Его двоюродный брат Зироламу, глухонемой и умственно отсталый, колот дрова. Он был с голым торсом, несмотря на холод, и мычал от напряжения, как вол. Бастьяну, кивнув ему, смотрел, как вдаль ехали его родные и двоюродные братья возвращаются с полей в телегах, запряженных ослами. Обычно эти картины природы внушали ему какое-то крестьянское спокойствие, но не в тот вечер. Даже не заходя в дом, он прошел в конюшню и вывел самую молоденькую лошадь. Сел на нее без седла и поскакал к фермерскому дому на открытой местности вдоль гребня виноградника.

Оставив жеребца непривязанным, Бастьяну вошел в дом. Тот был из сырцового кирпича, оштукатуренные стены изъела сырость. Запах дерева и краски был таким резким, что слезились глаза. Сквозь темноту проблескивал свет, но даже если бы комната была ярко освещена, старику это вряд ли помогло бы – он уже десять лет как ничего не видел.

– Кто это? – спросил старик на древнесардинском.

– Я, Бастьяну.

Бенинью Ладу, движения которого были замедлены артритом, опустил долото и повернулся к внуку. Тусклый свет освещал его лицо: маска увядшей дряблой кожи, на которой выделялись безжизненные глаза, похожие на летучих мышей, выброшенных из пещеры на свет.

– У тебя скверный цвет голоса, – сказал старик.

– Чириаку нас не послушали. Они продолжают.

– Кто тебе это сказал?

– Карабинеры²³.

Многие из услуг, которые просили у Бастьяну, исходили от командиров карабинеров, находящихся в соседстве с горными деревнями; большинство солдат прибывали с континента, только что получив первое назначение, и не могли понять ни языка, ни обычаев, ни традиций местных жителей. Бастьяну часто выступал для них посредником, ведя переговоры со скрывающимися бандитами или браконьерами, а взамен карабинеры закрывали глаза на некоторые его действия, держась подальше от земель Ладу.

– Я ошибаюсь или мы отдали животных этим ублюдкам?

²² Тетюшки (*sard.*).

²³ Корпус карабинеров – силовая структура Италии, подобно французской Национальной жандармерии подчиняющаяся одновременно Министерству внутренних дел и Министерству обороны и выполняющая, соответственно, как полицейские, так и военные функции.

– Двух лошадей, двадцать коз, одного барана, двух ослов и трех свиней, – перечислил Бастьяну. – Они уже должны были разбогатеть на всем этом.

Бенинью Ладу взял горсть ягод земляничника из *taschedda*, кожаного мешочка, который его младшие внуки заботливо наполняли для него каждое утро, и пожевал их немногими оставшимися зубами.

Через несколько секунд, прежде чем вернуться к работе над деревом, он решительно произнес лишь одно слово: «*Sambene*²⁴».

Бастьяну вышел из фермерского дома, который служил его деду мастерской, и свистнул два раза. Свист эхом разнесся по всей долине, зовя братьев собраться вместе.

– Возьми с собой Микели! – крикнул дед. – Его время пришло. Убедись, что у волка выросли клыки.

Бастьяну сел на коня, схватившись за гриву, и галопом поскакал в деревню.

«Как пожелаешь, *таппої*²⁵, – подумал он. – Да прольется кровь».

²⁴ Кровь (*сард.*).

²⁵ Здесь: старший, старейшина (*сард.*).

Глава 7

Кальяри

Связь между следователем и жертвой убийства – это нечто священное. Она выходит за рамки простой бюрократии, следственных бумаг, отчетов о вскрытии, документов, которые должны быть подготовлены для судьи. Становится чем-то гораздо более интимным. В случае если дело остается нераскрытым, а преступник гуляет на свободе, эта священная неразрывная связь может превратиться в изматывающую навязчивую идею. Время рождает чувство вины, усугубляет мысль, что убийца может нанести новый удар... Жизнь продолжается, но страх ошибиться, не оказаться на высоте из-за того, что позволил оборвать другие жизни, цепляется за сердце и душу, и чем больше лет проходит, тем невыносимей тяжесть. Нераскрытое дело – это самый страшный приговор, который может получить полицейский. Иногда это точка невозврата.

С тех пор как Мара Раис видела последний раз Морено Баррали, прошло чуть больше года. Теперь она поняла, насколько нераскрытые убийства могут перевернуть жизнь и здоровье следователя. Муки за эти убийства питали его существование, и, возможно, были единственной причиной, по которой в нем еще теплилась жизнь.

– Привет, Баррали, – сказала Мара, пожимая ослабевшую руку коллеги. – Даже рак тебя не берет, а? Ты еще нас всех переживешь, точно говорю.

Баррали улыбнулся ее колкости. В отличие от остальных, Мара не расточала любезностей и сентиментальностей, заставляя его еще больше тяготиться своим состоянием, а пронзала его своим острым цинизмом, как настоящая жительница Кальяри, которая со всеми ведет себя своевольно: даже с человеком на последнем издыхании.

– Привет, инспектор. Прежде чем умру, я должен научить тебя ремеслу, – ответил он тем же.

– Хм, я думаю, что это было бы напрасной тратой усилий, Баррали. Знаешь пословицу: кто родился ослом, тот не умрет лошадью...

– Верно, Раис, верно. Мне сказали, что у тебя дела ненамного лучше, чем у меня, по крайней мере в профессиональном плане. От текущих убийств к нераскрытым... Если ты не будешь осторожна, следующим твоим шагом будет патрулирование общественных парков, погоня за вуайеристами и розыски воров снеди.

– Будь как будет. Однажды я расскажу тебе, как все обстоит на самом деле, а теперь Расскажи мне о себе.

– Как видишь, сказать-то особо нечего...

Одежда на нем висела. Баррали сбросил по крайней мере десять килограмм с тех пор, как Мара видела его в последний раз, и это притом, что он никогда не страдал от лишнего веса. Раис увидела прислоненную к столу трость.

– Мне жаль. Правда, – сказала она.

– Я знаю. Спасибо. Но я позвал тебя не для того, чтобы разжалобить.

– Конечно. Думаю, что знаю, почему ты попросил меня встретиться. Я хотела сразу сказать тебе, что, насколько ты можешь...

Полицейский заставил ее замолчать, положив на стол несколько фотографий. Некоторые из них были старыми поляроидными снимками. Другие изображения потемнели и потускнели от времени. Тем не менее предметы были совершенно различимы. На снимках запечатлены два трупа, объединенные некоторыми деталями: обе женщины лежали ничком со связанными за спиной руками, укрытые нестриженной овечьей шерстью, а лица их были скрыты за деревянными масками животной формы с длинными заостренными бычьими рогами. Даже причина смерти была одна и та же: зияющая рана в горле. Убийца зарезал их, как коров. По качеству

снимков Мара Раис поняла, что между двумя убийствами должен был пройти довольно большой промежуток времени, не менее десяти-двенадцати лет. Другой общей чертой было место преступления: в первом случае это выглядело как колодец храма нурагического святилища, построенного на высоте, однако на самых последних фотографиях жертва была изображена у подножия священного колодца, похожего на первый, но окруженного двумя другими колодезными храмами, вырытыми в каменистой земле. В обоих случаях это были места поклонения, восходящие к очень древним временам.

– Конечно, ты уже слышала об этом раньше. Первая жертва семьдесят пятого года, вторая была убита одиннадцатью годами позже, в восемьдесят шестом. Первая из провинции Нуоро, вторая – из гор Валлермоса. Более двухсот километров друг от друга, две практически противоположные точки острова... Возраст жертв более или менее одинаковый: первой восемнадцать или девятнадцать лет, второй – шестнадцать-семнадцать. Убийства имеют незначительные различия. Совершенно незначительные. Оба не раскрыты, общее дело, связывающее их, никогда не открывалось. Обе девушки были убиты в ночь *sa die de sos mortos*. Нет свидетелей, нет подозреваемых. Тайна, которую так и не разгадали.

Мара перевела взгляд на коллегу. После многих лет службы в отделе убийств ее глаза привыкли к жестокости и ужасу, но снимки этих девушек – возможно, из-за звериного ритуала, с помощью которого они были убиты, – потрясли ее до глубины души.

– Самая большая загадка на самом деле не в этом, – продолжил Баррали. – В любом случае опознание не проводилось. Ни имени, ни фамилии. Сообщений о пропаже нет. Никто не искал их. Ни отцы, ни матери, ни родственники. Как будто они появились из ниоткуда. *Pantumas*²⁶.

Мара, услышав это слово, вспомнила, что Баррали был родом из Барбаджи, но не могла вспомнить, из какой деревни.

– Слушай, Баррали...

– На протяжении многих лет все говорили мне, что я сумасшедший – это если мягко выразиться. Что я искажил факты, чтобы они соответствовали моим теориям, потому что у меня к этому эзотерический интерес, и еще тысячу других глупостей. Они, – он указал на фотографии, – определенно мешали мне в профессиональном плане. Они навредили моей карьере. Не то чтобы я когда-либо был мазохистом, но чувствую себя в ответе за них, не могу об этом не вспоминать.

– И я это понимаю и уважаю... – опять попыталась вставить Мара, но он снова ее перебил:

– А теперь я умираю, Раис. Буквально. Несколько месяцев, а потом до свидания. А это, – сказал Баррали, постукивая себя по виску, – продержится еще меньше. Я не собираюсь тебя ни в чем убеждать, но хотел бы, чтобы то, над чем я работал все эти годы, не пропало зря. Хотел бы, чтобы дело оставалось открытым.

– За это можешь не переживать. Фарчи заверил меня, что над этим будут работать и что дело в приоритете у отдела нераскрытых, так что...

– Нет, Раис. Может быть, я плохо объяснил... – сказал Баррали. Его глаза вдруг затуманились. – Речь не только о старых нераскрытых делах или бог знает каких тайных ритуалах.

Он показал ей другую фотографию, гораздо более свежую.

– Ее зовут Долорес Мурджа, ей двадцать два года, и она пропала несколько дней назад. Я думаю, что за все эти годы было совершено еще много убийств и что они никогда не прекращались. И боюсь, что Долорес станет следующей жертвой.

²⁶ Призраки (*сard.*).

Глава 8

Корсо Индипенденца, Милан

Смотреть в зеркало было все равно что рассматривать *ее*. Сходство было изумительным, но и душераздирающим. Она больше не могла терпеть боль. Ей нужно было нейтрализовать свою память, которая пронзала ее тупыми лезвиями.

Ева вернулась в ванную, оставив красящую смесь действовать на полчаса. На ней были только черный бюстгальтер и джинсы. Она сполоснула волосы в раковине, наблюдая, как темная краска кружится в сливе, пока вода снова не стала прозрачной. Промокнула волосы полотенцем и посмотрелась в зеркало. От прежнего тицианового²⁷ цвета больше не осталось и следа. Иссиня-черный заглушил все рыжие оттенки ее натурального цвета.

Она с трудом узнавала себя, но это было хорошо. Черные волосы еще больше оттеняли голубые глаза, прозрачный цвет лица с россыпью веснушек и тонкую синеватую жилку под правым веком. Ева испытала приятное чувство недоумения, как будто разглядывала незнакомку.

«Это должно убедить тебя, – подумала она, – что ты другой человек».

Инспектор намотала на голову махровое полотенце и вернулась в спальню, чтобы разложить вещи в чемоданах.

Пришло время покинуть этот дом, полный страданий, и начать жизнь сначала.

Или хотя бы попытаться.

²⁷ Тициановые оттенки – ряд тонов, в той или иной степени соотносящихся с красно-оранжево-коричневым цветом, названным в честь великого живописца Возрождения Тициана.

Глава 9

Сельская местность Верхней Барбаджи, внутренние районы Сардинии

Земля предает меньше, чем люди. Этот урок сардские сыны прогресса давно забыли. Они попали в ловушку велеречивого промышленного бога, перед которым с энтузиазмом простирались ниц, отрекаясь от природы, веками принимавшей и кормившей их предков. Но после радужных обещаний лучшей и богатой жизни это сварливое и непостоянное божество бросило их, оставив после себя только ржавые руины, безработицу, вырубленные леса, массовую эмиграцию, души, мечущиеся в угаре горящих земель и отравленных животных. Долгие годы молодое поколение вспоминало мир своих предков только на Рождество и Пасху, когда им были нужны «деревенские» ягнята и поросята. Они хотели хорошо выглядеть перед городскими друзьями, придать себе деревенский вид, хотя в действительности никогда не брали в руки ни мотыгу, ни лопату и с большим трудом отличили бы быка от коровы. Стремление к благополучию коснулось прежде всего старых ремесел, и они канули в небытие; все реже можно было встретить укротителей лошадей и быков, пастухов, земледельцев, угольщиков, мастеров по дереву, достойных этого имени. Поколения сыновей покидали дома своих отцов, предпочитая города или светские соборы, которые они называли фабриками, теряя память о земле. Мириады деревень обезлюдели, особенно в глубине острова. Деревни-призраки уподобились чистилищу. В них остались только старики, ждущие, когда придет великая тьма и заберет их, освободив от того позора, с которым они не смогли справиться. Однако немногие дети, не покинувшие остров, парадоксальным образом продали себя маврам²⁸ и *sos continentes*, жителям континента, которые веками подчиняли себе этот регион. Молодые исполняли их прихоти, унижая себя тем, что рыдали, склонив головы, за две монеты и просили подаяния у государства. И это те, в чьих жилах текла кровь трудолюбивых предков, те, кто унаследовал неукротимый дух, подобный тем суровым горам, с которых они пришли. Когда государство «закрыло кассу», блудные сыновья в отчаянии вернулись, чтобы безжалостно, как пиявки, впитаться в соски матери-земли, надеясь вытянуть из нее хотя бы несколько капель молока.

Братья Чириаку рабски последовали по этой дорожке: когда их отец умер, оставив им лишь горстку наделов и несколько сотен овец, они верили, что смогут вернуться в деревню и разбогатеть, возделывая землю. А ведь они всегда насмехались над крестьянской жизнью.

На протяжении тысячелетий ритмы жизни человека подчинялись временам года. Чириаку же, как и большинство внезапных крестьян, пытались навязать земле свое время: поздно вставали, сеяли без малейшей строгости, небрежно относились к стадам, насиловали сады и виноградники химикатами, меняли засевы в одночасье, и через несколько лет те плодородные поля, которые они унаследовали, стали такими же бесплодными и сухими, как и их сердца, а скот вскоре умер от болезней и пренебрежения. Глупые и жадные, они разыграли свою единственную оставшуюся карту: на последние деньги, заработанные от продажи части своих *tancas*²⁹, устроили сложную оросительную систему на основе артезианской скважины, закупили генераторы, электронасосы, цистерны и сотни метров труб, тянувшихся для полива более двух тысяч кустов конопли, надеясь на то, что густая растительность сельской местности Барбаджи скроет эти запретные плоды от хищного взора правосудия.

²⁸ Имеются в виду выходцы с африканских территорий Средиземноморья, прежде всего из Туниса и с побережья Алжира, расположенных в непосредственной близости от Сардинии.

²⁹ Наделов (*capd.*).

На несколько километров земли Чириаку граничили с землями Ладу, а только одну вещь семья Ладу ненавидела больше священников и церквей: закон. Местные пастухи и фермеры не хотели иметь проблем с карабинерами, в то время как Чириаку со своими плантациями подвергали опасности всех – ведь могли прийти силовики и ткнуться в них носом. И вот делегация пастухов и крестьян из Барбаджи отправилась к Себастьяну Ладу, прося его вмешательства, пока не наступило худшее. Худшее означало выстрел в голову.

– Дела плохи, Бастьяну, – сказали пастухи. – Чем раньше мы решим эту проблему, тем будет лучше для всех.

Себастьяну поговорил с патриархом клана Ладу и предложил решение, которое устроило бы всех. Бениню напомнил про древний обряд *sa paradura*: учитывая, что животные Чириаку умерли и что их самих просили отказаться от незаконной прибыли в пользу законного обращения, все пастухи в этом районе хотели бы отдать им небольшую часть своего скота. Так поступали в Барбадже испокон веков, помогая тем, кто серьезно пострадал от наводнения или потерял своих животных из-за пожара или голода.

Когда Хуанне Чириаку оказался перед Себастьяну, у него не хватило смелости открыть рот, и он принял плоды солидарности местных. Животных доставили в большом количестве в сопровождении центнера сырных кругов, гектолитров масла и такого количества *binu nieddu*³⁰, что можно было напоить весь район.

– Долг платежом красен, – поблагодарил Хуанне, пообещав сжечь плантацию.

Через несколько дней Ладу увидели, как ночью над землями Чириаку поднимается дым. Однако этого дыма было слишком мало. Стервятники Чириаку приняли *sa paradura*, пожертвовав лишь малой долей выращенной конопли. Это подтвердил коррумпированный карабинер, близкий к Ладу, посоветовавший Себастьяну решить проблему, прежде чем она привлечет внимание командования провинции Нуоро, выйдя за пределы его сферы влияния и контроля.

В ту ночь Ладу пересекли заледеневшие от заморозков земли Чириаку и молча, словно призраки, приблизились к дому, где спали Хуанне и Джанмария. Это было недалеко от полей марихуаны, более чем в полутора километрах от первого населенного пункта. Луна освещала деревню кроваво-красным светом. Песни цикад и хриплый вой мистраля облегчали Ладу работу. Они появились без огнестрельного оружия: с такими типами, как братья Чириаку, не было необходимости ни в винтовках, ни в пистолетах.

Бастьяну смотрел не моргая на своего младшего брата Нереу, глухонемого кузена Зироламу и Микели, пятнадцатилетнего сына, которого дед приказал ему «отнять от груди». Помимо грубого нрава, Ладу славились исполинским ростом: Бастьяну, Нереу и Зироламу были ростом два метра, а Микели был уже за метр восемьдесят пять, и у всех были большие крепкие руки с утолщенными пальцами из-за тяжелой работы в поле, широкие плечи и ослиная сила. Казалось, что они родились из чрева этих гор.

Подняв подбородок, Бастьяну отдал приказ своему брату, который направился к овчарне и вернулся с овцой, дергая ее за ухо. Вождь клана подошел к животному и ударил в бок. Овца отчаянно заблеяла, привлекая внимание жителей дома, где секунд через десять зажегся свет.

Нереу отпустил животное и кивнул своему двоюродному брату, приказав ему спрятаться.

Дверь открылась, и вышел Хуанне, тяжело дыша; в руках у него был карабин.

– Кто это, черт возьми? – спросил он темноту голосом, хриплым от сна.

Следуя указаниям отца, парень подошел к дому.

– Микели, – ответил он.

– Кто ты? – спросил Хуанне, делая шаг вперед, словно не слыша его.

– Микели Ладу, – повторил тот. Луна осветила его волосы цвета воронова крыла – такого же, как и у всех из его семьи.

³⁰ Вино из черного винограда (*card.*).

– Чего ты хочешь?

– Крови, – ответил парень.

Хуанне рассмеялся.

– Ты один? – спросил он, не опуская оружия.

– Нет, – ответил за него Бастьяну, выходя из темноты. Одной рукой он выхватил у Хуанне винтовку, а другой схватил за горло и швырнул через двор, как пустой мешок. Зироламу в мгновение ока набросился на него, приставив к горлу лезвие ресользы³¹.

Ругаясь, вышел Джанмария, и Нереу быстро накинул петлю на его шею, швырнув на землю.

Ладу потащили их к большому многовековому оливковому дереву на краю поля. Чири-аку метались, как звери на скотобойне, из их ртов шла пена, они пытались ослабить хватку пеньковых веревок. Нереу и Зироламу подвесили Джанмарию за шею к одной из ветвей дерева, заставив его встать на цыпочки, чтобы не задохнуться, и засунув в рот носовой платок, чтобы замолчал. Хуанне привязали стоя к толстому стволу – так туго, что у него перехватило дыхание. Он побледнел, понимая, что его ждет.

– Просто скажите: почему? – спросил их Бастьяну своим глухим голосом.

– Послушай, Бастьяну, – пробормотал Хуанне. – Клянусь, мы бы сожгли и остальные поля.

– *Vesserias*³², – пробормотал Нереу, возвышаясь над ними как дуб. – Не шути с нами...

– Посмотри на себя – ты плачешь и умоляешь о прощении, как женщина, – прошипел Бастьяну.

– Пожалуйста, Бастьяну, молю тебя...

– Молить следует в церкви. – Бастьяну сказал это по-итальянски, словно тот был недостойн языка предков. – Микели! – позвал он сына.

Парень приблизился к нему. Отец вынул из ножен и вложил ему в руку леппу³³ с ручкой из бараньего рога и сверкающим лезвием длиной в девять пальцев.

– Ты напуган? – спросил он его на родном наречии.

Микели покачал головой. Его глаза были двумя льдистыми чешуйками вулканического стекла. По тому, как он стоял, отец понял, что сын жаждет стать мужчиной. Это вселило в него уверенность, что у Ладу хорошее будущее.

– Тогда зарежь его.

Прежде чем Хуанне успел закричать, Зироламу сунул ему в рот тряпку, пресекая крики в зародыше.

– Счастливого пути в ад, – прошептал Нереу ему на ухо.

Несколько секунд парень наблюдал за отражением малиновой луны на лезвии, которое, казалось, почти призывало его к насилию, а затем нанес первый удар. Нож вошел в плоть, будто та была теплым маслом. Опыренный этим новым ощущением силы, юноша, удерживая пленника за шею левой рукой, правой несколько раз ударил его со все большей силой, страстно, словно опыренный безумием.

³¹ Ресольза – один из видов традиционных складных сардинских ножей.

³² Вранье (*sard*).

³³ Леппа – сильно напоминающее шашку традиционное сардинское холодное оружие, совмещающее собственно оружейную и хозяйственную функции; ныне является чисто историческим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.